

К. Н.
ЛЕОНТЬЕВ

Сочинения

Константин Николаевич Леонтьев

Религия – краеугольный камень охранения

«...Вообразим себе, что все миллионы людей беднейшего класса, составляющего большинство во всех государствах, отказались от религиозных преданий, в которых темные толпы их предков прожили века; вообразим себе, что все без исключения подданные какой-нибудь державы говорят о «правах человека», о «равенстве и свободе», о «достоинстве», о том, что земля обращается около солнца в 365 дней и столько-то секунд... <...> Желали бы мы знать, какие *принципы* могут противопоставить грозным требованиям подобной, «цивилизованной по-нынешнему» толпы те охранители, которых обыкновенно зовут умеренными либералами?..»

**Константин Николаевич
Леонтьев
Религия – краеугольный
камень охранения**

Варшава, 11 января.

Религия, преобладающая в каком-нибудь народе, – вот краеугольный камень охранения прочного и действительного. Когда веришь, тогда знаешь, во имя чего стесняешься и для чего (быть может, и с невольным ропотом нередко, но без гордого и явного протеста) переносишь лишения и страдания...

Вообразим себе, что все миллионы людей беднейшего класса, составляющего большинство во всех государствах, отказались от религиозных преданий, в которых темные толпы их предков прожили века; вообразим себе, что все без исключения подданные какой-нибудь державы говорят о «правах человека», о «равенстве и свободе», о «достоинстве», о том, что земля обращается около солнца в 365 дней и столько-то секунд... еще о том, что есть, положим, *какой-то* Бог (*un Dieu des bonnes gens!*^{1} – как пел Беранже), а подати все-таки велики при этом и т. д.

Желали бы мы знать, какие *принципы* могут противопоставить грозным требованиям подобной, «цивилизованной по-нынешнему» толпы те охранители, которых обыкновенно зовут умеренными либералами?..

Консерватизм чисто экономический, так сказать, лишенный религиозного оправдания, в нравственной немощи своей, может отвечать на требования анархистов только *одним насилием*, картечью и штыком... Мы это и видим давно в истинно *передовой* стране Запада, во Франции.

Там давно уже нет никакого общеидеального принципа, вознесенного над всею нацией... там периодически, лет через 15–20, возобновляется борьба между капиталом и трудом, и капитал еще недавно, в образе Тьера и рукой Мак-Магона, победил восстание недовольного труда. Мы признаемся откровенно, что не можем даже и притвориться сочувствующими той или другой стороне. Для нас одинаково чужды и даже отвратительны обе стороны – и свирепый коммунары, сжигающий тюильрийские сокровища^[2], и неверующий охранитель капитала, республиканец-лавочник, одинаково враждебный и Церкви своей, и монарху, и народу... *Мы не понимаем даже вовсе того психического процесса*, под влиянием которого действуют эти люди прогресса, – *либерального только снизу вверх*... Этот пси-

хический процесс нам чужд и ненавистен до фанатизма... Из целой французской нации, столь жестоко пострадавшей в последнюю войну, в нас возбуждал несколько более сожаления только сам пожилой, больной и низверженный император, излюбленный избранник этой самой ползавшей перед ним буржуазии, которая во дни унижения и заслуженного позора своего срывала на прежнем кумире своем досаду своей собственной пустоты!.. Мы не понимаем ни жалких слез, пролитых в кабинете Бисмарка на днях перешедшим в вечность отвратительным Жюль Фавром^[3]; нас не трогают патриотические хлопоты старого Тьера; мы постичь не можем «дурной вкус» либеральной Франции, предпочитающей теперь Гамбетту и Гриви родовым своим королям и избранным цезарям...

Александровы, Гриви или Гамбетты (это ведь все равно) хороши на своем месте, *когда нам нужно выиграть процесс...* И только!.. Мало ли кто мне нужен, – но как я, русский человек, могу понять, скажите, что *сапожнику* повиноваться легче, чем *жрецу* или *воину*, жрецом благословенному?..

«Но это ведь Франция, безумная Франция! Что нам за дело до внутренних порядков Франции!.. Не правда ли?..» «У нас есть верховная власть, – вы скажете, – мы чтим ее глубоко, мы повинuemся ее помощникам и слугам, мы везде, в речах, в статьях только и говорим *о единении у нас царя и его народа*».

«О! да не возглаголят уста мои дел человеческих...» Вопрос не в том, что вы говорите и даже чувствуете (особенно теперь, когда грозные генералы и энергические полицеймейстеры понадобились вам для защиты ваших денег и очагов семейных); вопрос гораздо глубже. *Вопрос в великих исторических течениях века.*

Давно было сказано и признано всеми, что Франция – *передовая* страна... *Передовая* – это не значит *лучшая*; в наше время это, напротив, значит – *худшая*... *Идти скоро, идти вперед* – не значит непременно к высшему и лучшему... *Идти все вперед и все быстрее* можно к старости и смерти, к бездне. Даже несомненное улучшение некоторых сторон быта и нередко самой нравственности не спасает государство от гибели... *Дисциплина нацио-*

нальных нравов для обществ спасительнее самых привлекательных качеств *общечеловеческой нравственности...*

Многие думают, например, что в последние века Рима господствовали только жестокость, сладострастная роскошь и разврат. Но это ошибка... Рядом с этими пороками распространялось христианство, в течение нескольких веков, в среде *тех же римских граждан...* Христиане не выселялись никуда, не выделялись из остальной массы римлян; они принимали, несмотря на временные гонения, участие во всех явлениях общественной, семейной и государственной жизни... они *должны были* вносить во все свои более высокие, более добрые, идеальные вкусы и понятия... они влияли в семьях на самих язычников. Но, увеличивая, по всем вероятностям, в римской среде количество добрых чувств и высоких поступков, они все-таки более, нежели кто-либо, свою *общечеловеческую нравственность ускоряли расторжение уз собственно римской дисциплины...* Дисциплина же христианская укоренилась *впоследствии* на берегах византийского Босфора...

Итак, говорим мы, даже и действительное улучшение некоторых сторон человеческой жизни и самой человеческой души – не обуславливает непременно пользу общества и крепость государства. Грехи, может быть, и *честнее* Наполеона I, но положение Франции было бы теперь иное, если бы она, уже изнуренная демократизацией, могла бы произвести что-либо великое, подобное Наполеону...

Но в новейших движениях века мы не видим даже и нравственного несомненного улучшения... Оно и понятно. Если божественная истина Откровения не могла (и не *pretendовала*, заметим, *никогда*) уничтожить зло и безнравственность на этой земле, а только обещала этот рай под *новым иным небом*, то что же могут существенного сделать все бедные Жюль Симоны, Вирховы, Шульце-Деличи, все эти люди, которые, по выражению одного западного писателя, носятся всюду с какою-то «*marotte humanitaire de peu de conséquence*»...^{4}

Самые даровитые и влиятельные из этих людей должны считать за счастье, если они, в мире нравственных страданий и экономиче-

ских невзгод, достигают на короткое время того результата, которого достигает в мире болезней медицина. По словам Пирогова, «самые хорошие врачи едва-едва колеблют среднюю цифру смертности»!

Итак, что же? Где же Франция? И зачем явилась на миг эта страна, так плачевно упавшая в течение какого-нибудь полувека с непрочных, но пышных и величавых подмосток эгалитарного цезаризма в смиренные объятия почтенного Гриви?![1]

Нет! Не на миг перед мысленными очами нашими должна являться эта обреченная на гибельную передовую роль европейская нация! Россия должна глядеть на нее пристально: оттуда скоро польются, может быть, снова потоки грязи и петролея...

Франция – это исторический «центр Европы»... Ее первый король (Хлодовик) решил мечом борьбу арианства с Православием в пользу последнего. Ее император (Карл Великий) создал окончательно папизм и отделил католичество раз навсегда от византизма... Французские рыцари впереди всех других шли на защиту Гроба Господня... Победа мо-

нархии над феодальностью дворянства была во Франции одержана скорее и решительнее. *Новый быт, новые моды и обычаи* нигде не нашли себе такого изящного и заразительного выражения, как при дворах французских королей... В нетерпеливой Франции впервые свершилась революция во имя тех самых «прав человека», о которых в других странах тогда только немногие думали... В этой же Франции раньше и яснее, чем в Англии, Германии, Италии, обнаружались печальные плоды восторженных порывов вооруженной либеральности, обнаружилась та истина, что вслед за падением сословного строя должно воцариться господство денег и мелкой учености, грубая *плутократия* и болезненная, робкая *грамматократия*... И в этой же стране впервые явилось как *реакция* против господства либеральной и оппозиционной плутократии учение *экономического равенства*, учение вначале мечтательное и кроткое, а позднее взявшее в руки ружье, динамит и револьвер...

То, что мы пишем, вовсе не ново. Все это очень старо; все это гораздо и пространнее, и

лучше нашего было сказано все в той же *передовой* Франции отчасти мыслителями крайней левой стороны, отчасти защитниками феодальных порядков и Церкви. Жозеф де Местр и Прудон одинаково победоносно доказывали всю несостоятельность умеренного либерализма, всю его недостаточность и все ничтожество мещанских конституций. Но все это забыто: в России теперь как бы некогда и некому мыслить серьезно и внимательно читать...

А кто мыслит читая и читает с размышлением, тот молчит где-нибудь в своей деревне или в московском доме, пожимая плечами...

Итак, что ж делать?.. Неужели все погибло! Франция – «центр Европы»!.. Париж – столица мира!..

Все сделают позднее то же, что и Франция... Во что же верить?.. Чего ждать?.. Предаться роковому течению?..

Нет! Нет! Тысячу раз *нет!*.. Если бы мы не верили в возможность *основных* изменений в русских понятиях, и мы бы молчали...

Мы верим, мы имеем смелость верить, что Россия еще может отстраниться от западноев-

ропейского русла...

Мы еще верим в силу *русского охранения* и в свежесть русского ума!

Неужели *этот ум* не постигнет, наконец, что Европе более не в чем завидовать; что ложь дальнейшего демократического и либерального прогресса уже слишком груба... что *идея* этого прогресса ненаучна, что идеал его неизящен и невысок, ибо всеобщее равенство и всеобщая равноправность убийственны для разнообразного развития духа и свойств людских...

Неужели мы не поймем, наконец, что афонский монах или набожный московский купец, которые говорят: «Бога *бойтеся*, царя *читите*», – и при слухе о надеждах прогресса с удивлением и неверием пожимают плечами, гораздо даже более – реалисты, гораздо ближе к реальной истине, чем те европейцы, которые какой-то *свободой без страха* хотят *дисциплинировать* государства...

Берегитесь! Близок страшный час... Откуда может начаться пожар в Европе, мы не знаем, но пламя таится под пеплом.

Нам нужно заранее закалить наши силы

терпением и любовью к предрержащим властям за то уже только, что *они – власть*, той любовью, которая дается страхом Божиим и верой...

«Начало премудрости есть страх Божий, *плод же его любви...*»⁽⁵⁾ Поменьше о «достоинстве человека европейца», ради Бога! Поменьше о благе всего *человечества*... Поменьше о *постепенности* даже... Поменьше и о той *любви без страха*, того христианства а l'eau de rose⁽⁶⁾, которым иные простодушно морочат и себя, и нас...

Нет! Христианство есть одно, настоящее... Это христианство – монахов и мужиков, про-свирен⁽⁷⁾ и *прежних* набожных дворян.

Это великое учение, *для личной жизни сердца столь идеальное* (столь нежное даже!), *для сдерживания людских масс железной рукавицей столь практическое и верное*, – это учение не виновато, что *формы* его огрубели в руках людей простых... Не Истина виной тому, что более образованные люди почти все забыли эту Истину в погоне за миражом прогресса.

Религия в общественной жизни подобна

сердцу в организме животном. Это *primum vivens, ultimum moriens*⁽⁸⁾ нации.

Пока религия жива, все еще можно *изменить* и все спасти, ибо у нее на все есть ответы и на все утешения. А где нет утешений, там есть кара и принуждение, оправданные не притворными фразами «горькой необходимости» и т. п., а правом Божественным, вполне согласным с законами вещественной природы, ненавидящей равенство!

Примечания

1

По поводу этой статьи и моего гонения на г. Гриви французский генеральный консул в Варшаве жаловался на «Варшавский дневник» генерал-губернатору г. Коцебу: «Президент дружественной державы» и т. п. (Ну уж держава с адвокатом вместо царя! и...) Гр. Коцебу не обратил на эту жалобу никакого внимания. – *Примечание К. Н. Леонтьева 1885 г.*

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Un Dieu des bonnes gens! (*франц.*) – Бог добрых людей.

[^^^]

2

В русских и зарубежных консервативных изданиях писали о зверствах и вандализме коммунаров, грабивших церкви и разрушавших памятники искусства, о пожарах в Париже в 1871 г. Особенно потряс современников поджог коммунарами дворца Тюильри.

[^^^]

3

Речь идет о неудачных переговорах об условиях перемирия, которые Ж. Фавр вел с Бисмарком в сентябре 1870 г.

[^^^]

4

Marotte humanitaire de peu de conséquence (франц.) – жалкое и никчемное человеческое устремление.

[^^^]

5

1 Пет 2:17.

[^^^]

6

A l'eau de rose (*франц.*) – на розовой воде.

[^^^]

7

Тех благочестивых женщин, которые получили благословение печь для церкви просфоры.

[^^^]

8

Primum vivens, ultimum moriens (*лат.*) – во-
прос жизни и смерти.

[^^^]

[^^^]